

**К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.В. БРУШЛИНСКОГО**

**ПРОБЛЕМА ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ
В ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ**

© 2008 г. Н. Е. Харламенкова

Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва

Обсуждается одна из фундаментальных проблем психологии – проблема опосредствования. Дается ее историко-философский и историко-психологический анализ. Целенаправленно сопоставляются подходы Л.С. Выготского и А.В. Брушлинского к проблеме соотношения непосредственных и опосредствованных процессов. На основе понимания А.В. Брушлинским принципа детерминизма, сформулированного С.Л. Рубинштейном, выделяются три исследовательские задачи, которые состоят в необходимости раскрыть содержание объекта и функций опосредствования; определить назначение субъекта опосредствования; обнаружить единство непосредственного и опосредствованного. Обсуждаются результаты теоретических и эмпирических исследований автора, подтверждающие идеи, сформулированные в работах Брушлинского.

Ключевые слова: непосредственное, опосредствованное, знак, объект, субъект, автономность, спонтанность.

**ПРОБЛЕМА ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ
В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ**

Много лет назад в одной из рядовых рабочих ситуаций А.В. Брушлинский задал вопрос о научном творчестве Л.С. Выготского, пытаясь понять отношение молодых ученых к его работам. Общий смысл этого вопроса сводился к тому, что именно привлекает начинающего исследователя в трудах Выготского. Ответ на него, как это видится теперь, был довольно банальным и, насколько помнится, сводился к оценке формальной стороны текстов Выготского – их живости, логичности, понятности, богатой иллюстративности.

Прошли годы, но до сих пор этот вопрос имплицитно остается в моем внутреннем мире и время от времени эксплицируется под влиянием прочитанной литературы, устных выступлений, а иной раз и мимолетных высказываний коллег на ту или иную тему. Правда, звучит он уже несколько иначе, выходя за рамки культурно-исторической теории Выготского, но, несмотря на это, продолжает стимулировать к проведению самостоятельного анализа прочитанного и услышанного, к осуществлению научного поиска, к определению собственной авторской позиции. Особенность этого вопроса заключается еще и в том, что теперь он формулируется не в общем виде, а в форме отдельных проблем, одной из которых является, например, проблема опосредствования (за их открытое обсуждение ратовал Брушлинский). Кроме того, и ответы на него становятся не такими однозначными и простыми, какими были раньше, они существенно реконструируются,

превращаясь из кратких откликов на ту или иную тему в глубокие и развернутые во времени размышления.

Находясь под влиянием не один раз прочитанной “Психологии субъекта” [4], особенно глав “Деятельность и опосредствование” и “Субъект и развивающее обучение”, хотелось бы специально остановиться на фундаментальной научной проблеме опосредствования¹, истоки которой можно найти уже в работах древних философов, но принципиальные споры в отношении которой разгорелись лишь в психологии XX века.

В истории науки эта проблема формулировалась в связи с существенно важным вопросом о непосредственном и опосредствованном знании, т.е., во-первых, во вполне определенном научном контексте – в русле теории познания, во-вторых, при обязательном условии совместного исследования непосредственного и опосредствованного. Указывая на последнее, непременно поясняют, что если абстрагировать одно знание от другого, то вопрос о том, каким является конкретное событие – непосредственно или опосредствованно воспринимаемым – будет неуместным, поскольку “любой факт действительности или мышления с равным основанием может считаться как опосре-

¹ В статье кроме понятия “опосредствование” встречается понятие “опосредование”, которые в настоящей работе условно используются как синонимы. Необходимость введения понятия “опосредование” вызвана стремлением адекватно отразить позиции разных авторов, прежде всего Л.С. Выготского, в понимании природы и генеза психического, применяя терминологию, принятую в оригинальной концепции.

дованным (т.е. всегда можно найти нечто промежуточное, посредством которого этот факт существует), так и непосредственным (поскольку можно обойтись без этого промежуточного члена)” [19, с. 148].

Под *непосредственным* знанием обычно понимают такой опыт, который получен интуитивно, путем прямого усмотрения объекта или события, без специального обоснования с помощью доказательства. В отличие от непосредственного усвоения, *опосредствование* определяется как процесс получения знания, названного дискурсивным, или демонстративным, путем обоснования данными опыта и логическим рассуждением; это – определение вещи (понятия) через раскрытие ее отношения к другой вещи (понятию) [18]. В истории науки непосредственное созерцание нередко выводилось из активного чувственного опыта, а опосредствованное знание считалось следствием деятельности ума, способности рассуждать, сопоставлять и обосновывать. Специально подчеркивалось, что постижение всего многообразия явлений выступает внешним для мышления процессом. “Постигая это чувственно-многообразное, мы еще не мыслим; только соотнесение его есть мышление. Непосредственное постижение многообразного мы называем чувствованием или ощущением. Только тогда, когда я чувствую, я просто знаю о чем-то...” [6, с. 92]. Чувство “не содержит в себе ничего, кроме непосредственного высказывания, уверения, что нечто является именно таким или таким не является” [там же, с. 14]. Оно не указывает оснований и не руководствуется ими. Другое дело – мышление. “*Рассуждающий разум* старается найти *основания* вещей, т.е. их положенность другим и внутри другого. Это другое и является пребывающей внутри себя сущностью этих вещей, но вместе с тем оно представляет собой лишь нечто *относительно безусловное*, так как обоснованное, или следствие, имеет содержание, отличное от содержания основания” [там же, с. 195].

Несмотря на противопоставление непосредственного и опосредствованного видов знания, связанных соответственно с чувственным созерцанием и рациональным обоснованием, усвоение первого стало ассоциироваться не только с чувствованием, но и с интеллектуальным познанием, т.е. с прямым усмотрением истины, с созерцанием посредством ума. Было показано, что непосредственное знание не всегда есть нечто недоказуемое, но часто, безусловно очевидное, поэтому и не требующее никаких доказательств.

Развитие идей рационализма в XVII в. (Декарт, Лейбниц, Спиноза) и усиление религиозных установок в ряде работ философов XVIII в. (Руссо, Гаман, Якоби) нарушили гармоничное видение непосредственного и опосредствованного видов

знания как связанных друг с другом. Если рационализм умаляет значение чувственного познания в получении достоверного знания, то религиозная философия, напротив, критикует излишнюю расщепленность, тягу к интеллектуальным реконструкциям, неспособность к интуитивному чувствованию и верованию. Предваряя стремление к диалектическому единству непосредственного и опосредствованного знания, явно обнаруживаемое, например, в работах Фихте и Гегеля, научная мысль пришла к очевидной истине, согласно которой «рафинирование рациональности (культ “чистого разума”)... есть в сущности противоположное выхолащивание духовного мира человека. Это не только антигуманно, но и элементарно неразумно, ибо человеческая разумность состоит кроме всего прочего в том, чтобы *принимать, понимать и ценить то, что лежит за ее пределами* (курсив мой. – Н.Х.) и что в конечном счете определяет условия ее собственного существования и функционирования» [12, с. 31].

Диалектическая взаимосвязь опосредствованного и непосредственного в работах Гегеля проявилась в толковании бытия, сущности и существования. Бытие, по его мнению, бывает непосредственным и внутренним: “Бытие, будучи непосредственным, относится к сущности как к опосредствованной. Вещи существуют вообще, однако их бытие состоит в том, чтобы проявлять свою сущность” [6, с. 94]. Непосредственное бытие состоит в том, что оно лишено своего основания. Поиск таких оснований приводит к “рефлексивному определению” сущности. Однако в процессе такого определения происходит исчезновение опосредствованности и появляется возможность непосредственного усмотрения сущности. “Эта опосредствованная основанием и условием непосредственность, ставшая через снятие опосредствования тождественной с собой, есть существование” [7, с. 110]. Важность высказанных Гегелем соображений состоит в том, что опосредствованное знание не исключает непосредственного, не вытесняет и не заменяет его, а, наоборот, является его предпосылкой, условием проявления; “непосредственное усмотрение или осознание истины понимается лишь как результат, которому предшествует опосредствование” [19, с. 57].

Диалектический материализм, опираясь на диалектику Гегеля, Фихте, Шеллинга, в наиболее сконцентрированном виде ставит вопрос о самих по себе *средствах* толкования явления, т.е. о том, чем же собственно должен быть обоснован непосредственный опыт. Кардинальный пересмотр и постепенное обесценивание таких приемов опосредствования, как логическое рассуждение, мысленное обусловливание, рациональный анализ, а также игнорирование непосредственного опыта как такового, приводит к необходимости включения в этот процесс культурных знаков, орудий,

вспомогательных средств и в целом материальной общественной практики человека. Новая философия создает предпосылки для конструирования иного подхода к человеку, в котором проблема непосредственного/опосредствованного возникает не только в связи с объяснением познавательного отношения человека к миру, но и гораздо шире и принципиальнее – в связи с толкованием его сущности, где опосредствование видится в качестве главного инструмента, раскрывающего человеческое в человеке. “Употребление орудий ребенком напоминает орудийную деятельность обезьян только до тех пор, пока ребенок находится на доречевой стадии развития. Как только речь и применение символических знаков включаются в манипулирование, оно совершенно преобразуется, преодолевая прежние натуральные законы и впервые рождая собственно человеческие формы употребления орудий... Мы присутствуем здесь *при рождении специфически человеческих форм поведения* (курсив мой. – Н.Х.), которые, отрываясь от животных форм поведения, в дальнейшем создают интеллект и становятся затем основной для труда – специфически человеческой формой употребления орудий” [5, с. 22].

Перенеся предмет исследования из области философии в область психологии, мы оказываемся перед необходимостью очертить тот специфический круг вопросов, который возникает при интерпретации проблемы опосредствования как одного из важных методологических оснований отечественной психологии. Исходя из соображений удобства и в целях соблюдения принципа историзма, изложим позиции ряда авторов в отношении проблемы опосредствования и выделим возникающие в связи с этим конкретно-научные задачи, раскрывающие ее глубокий смысл.

Л.С. Выготский называет опосредствование психических операций в качестве специфического признака структуры высших психических функций [там же, с. 65] и считает, что благодаря этому достижению изменяется поведение ребенка. Если раньше его активность была непосредственно направлена на привлекающие его объекты, то по мере развития механизмов опосредствования между объектом и поведением появляются “стимулы второго порядка” [там же, с. 36], ориентированные не на сам по себе объект, а на организацию и планирование собственного поведения. Выготский уточняет, что опосредствование полностью перестраивает поведение ребенка и структуру его психических функций, в первую очередь вследствие развития контроля над собой и умения организовывать свое поведение. Несмотря на то что термины “опосредствование” и “опосредование” нередко употребляются как синонимы (см. [19]), для Выготского в понятии “опосредствование” скрыт особый смысл. Он состоит в выделении таких средств обращения с объектом, которые име-

ют средовое, социальное значение: “знак первоначально выступает в поведении ребенка как средство социальной связи, как функция интерпсихическая; становясь затем средством овладения поведением, он лишь переносит социальное отношение к субъекту внутрь личности... История высших психических функций раскрывается здесь как история превращения средства социального поведения в средства индивидуально-психологической организации” [5, с. 56]. Однако, как нам думается, тот акцент, который был сделан Выготским именно на роли *знака как средства* становления человеческого поведения, дает основание считать, что в данном случае применение термина “опосредствование” также вполне уместно.

В работах А.Н. Леонтьева формулируется особый принцип – принцип деятельностного опосредствования [10]. Его суть состоит в том, что важнейшая функция опосредствования принадлежит не знаку (слову), который усваивается в процессе общения ребенка и взрослого, а внешней практической деятельности. Комментируя этот принцип, А.Г. Асмолов пишет: «Положение Л.С. Выготского об опосредованном характере высших психических функций, об использовании внешних и внутренних средств, знаков как “орудий”, при помощи которых человек овладевает своей деятельностью, переходит к преднамеренной произвольной регуляции поведения, прочно вошло в арсенал основополагающих принципов советской психологической науки» [1, с. 124]. Человек, используя культурные стимулы-знаки, вмешивается в отношения со средой, преобразует свое поведение, подчиняя его своей власти. Предметная деятельность рассматривается А.Н. Леонтьевым как исходная категория научной психологии, раскрывающая опосредствованный характер отношения человека к действительности. “При этом предмет деятельности выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может” [10, с. 84]. Различая внутреннюю и внешнюю деятельность, Леонтьев неразрывно связывает их между собой, показывая, что деятельностный подход требует изучать психическую деятельность не саму по себе, а в составе внешней, предметной деятельности субъекта; изучать ее по роли в этой внешней деятельности, которая определяет саму необходимость психики, ее конкретное содержание и строение; рассматривать психическую деятельность не как безличный процесс, а как деятельность субъекта в плане психического отражения проблемной ситуации [17, с. 472–473]. Оценивая вклад А.Н. Леонтьева в отечественную

и мировую психологию, В.В. Давыдов писал: “Изучение процессов внешней, практической деятельности, опосредствующих связи субъекта с реальным миром, – *решающий пункт и главный метод* познания психического отражения, сознания как от начала до конца продукта общественной жизни и общественных отношений людей” [8, с. 130]. Являясь активным сторонником деятельностного подхода, последователем П.Я. Гальперина, Давыдов считал, что социальная среда выступает в качестве основной детерминанты формирования человеческой психики, и в дискуссиях по поводу того каким же является “собственное” – исходным или производным, – утверждал, что собственное производно.

Наиболее остро и открыто эта дискуссия велась между Давыдовым и Брушлинским. Последовательно раскрывая основные принципы философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна, являясь одновременно его учеником, единомышленником и последователем, Брушлинский аргументирует свою точку зрения на проблему внешнего и внутреннего, показывая, что в субъектно-деятельностной концепции Рубинштейна и его школы принцип детерминизма понимается таким образом: внешние (педагогические и др.) причины действуют только через внутренние условия и являются основанием развития личности. Именно поэтому “собственная активность (обучаемость, вообще внутренние условия) даже младенца, а тем более ребенка является *не производной, а именно исходной*... Иначе говоря, любое воздействие внешних причин существенно зависит от внутреннего основания развития” [4, с. 166]. При этом, как отмечает Брушлинский, субъектно-деятельностный подход не отрицает важнейшего значения внешнего, не отвергает понятия деятельности, но отводит ей вполне определенное место в жизни субъекта: “Столь же исходными остаются и внешние влияния, причины, нормативные общественные образцы и т.д., но они не прямо и не непосредственно детерминируют всю жизнь людей, а только опосредствуясь целостной системой внутренних условий, всей личностью (наследственными задатками, собственным жизненным опытом и т.п.)” [там же, с. 166]. Сила этого утверждения состоит не только в его истинности, но и в смелости самой идеи, которую в 50–70-е годы нельзя было не только высказывать, но даже мыслить. Уже тогда достоверность высказанных предположений вопреки всему проверялась опытным, экспериментальным путем. В школе Рубинштейна им самим и его учениками было показано, что применение метода подсказки в ходе решения мыслительных задач доказывает важность формирования испытуемым мнения относительно способа решения. На основе экспериментальных данных был сделан вывод о том, что если у испытуемого есть возможность

строить предположения (формировать внутренние условия) относительно вариантов достижения поставленной цели, то предложенная ему подсказка используется им по назначению. Если же по тем или иным причинам испытуемый не имеет возможности обдумать ход решения задачи, то подсказка теряет свою основную функцию и не способна “направить” его на получение правильного ответа.

Включаясь в общую дискуссию по проблеме детерминации психического, А.Н. Леонтьев утверждает, что рубинштейновское толкование принципа детерминизма верно только в том случае, когда мы рассматриваем лишь *результат* того или иного воздействия, но оно спорно, если “видеть в этом положении ключ к пониманию внутреннего как *личности*” [10, с. 181]. По его мнению, субъект жизни изначально наделен определенной силой (Леонтьев уточняет, субъекту, согласно Энгельсу, присуща “самостоятельная сила реакции”), но эту силу следует рассматривать как возможность, которая, благодаря внешнему, переходит в действительность [там же, с. 181–182], поскольку индивид (т.е. изначально данное человеку) не обладает той “*о с о б о й*” целостностью, которой обладает личность. Снимая вопрос, поставленный Леонтьевым о различии индивида и личности, о двойной детерминации психического, Рубинштейн показывает, что проблема соотношения внешнего и внутреннего, природного и социального разрешается только в том случае, если человек как субъект вводится внутрь, в состав бытия, интегрируя в себе все многообразие проявлений человеческого и обнаруживая собственную, аутентично присущую ему активность.

Позиция А.В. Брушлинского относительно того, что уже младенец способен хотя бы к простейшей регуляции собственного поведения, находит подтверждение в современных исследованиях раннего когнитивного развития ребенка. Е.А. Сергиенко (автор изданной в 2006 г. монографии “Раннее когнитивное развитие: новый взгляд” [15]) утверждает, что возникла насущная необходимость в дополнении, а в ряде случаев и в изменении традиционного взгляда на ребенка как на природное существо, лишенное достаточного количества собственно человеческих внутренних ресурсов. Она подчеркивает, что младенцы способны к антиципации событий и к репрезентации объектов и явлений на основе базовых принципов организации воспринимаемой информации. Доказывается, что антиципация – это имманентное свойство любой формы психического отражения, проявляющееся не только в эффектах пространственно-временного упреждения событий, но и в избирательности, направленности, целевой детерминации и планировании действий. Отстаивается принципиально важное положение о том,

что без начальных репрезентаций невозможно представить континуальность развития мышления ребенка. Кроме того, формируется мнение о том, что когнитивное развитие младенца не имеет строгой зависимости от его речевого развития, чем корректируется один из основных тезисов культурно-исторической теории Л.С. Выготского об определяющей роли речи в психическом развитии ребенка.

Сопоставляя различные точки зрения на природу человеческой психики, на понимание роли опосредствования в когнитивном и личностном развитии ребенка, следует отметить, что существо вопроса может качественно меняться в зависимости от того, какое место в процессе опосредствования отводится знаку. По Выготскому, знак управляет поведением ребенка, «обладая специфической функцией обратного действия, он переводит психические операции в высшие и качественно новые формы, позволяя человеку с помощью внешних стимулов, извне овладеть своим поведением...», его употребление «приводит у человека (курсив мой. — Н.Х.) к совершенно новой и специфической структуре поведения, рвущей с традициями натурального развития и впервые создающей новую форму культурно-психологического поведения» [5, с. 63]. Критические замечания в адрес теории Выготского высказывали Рубинштейн, Леонтьев, Брушлинский и многие другие авторитетные ученые. Прежде всего эти замечания относились к роли знака в становлении человеческой психики. По словам Брушлинского, Выготский гипертрофировал (абсолютизировал) слова-средства, сделав их демиургом мышления и в целом психики ребенка; абсолютизация средств привела к подмене ими субъекта деятельности, вследствие чего деятельность стала невозможной. Указывая на безусловно важную роль механизмов опосредствования, Брушлинский констатирует, что «любая деятельность есть также и опосредствование, но не наоборот: далеко не всякое опосредствование есть деятельность» [4, с. 155]. Деятельность не исчерпывается только тем, что в ходе ее осуществления человек использует различные средства для достижения цели. Главное, с точки зрения Брушлинского, — взаимодействие субъекта с объектом.

Однако отрицание роли знаков, средств в осуществлении субъектом своей деятельности было бы по меньшей мере неразумным прежде всего потому, что способность человека продуцировать новые способы достижения результата позволяет ему совершенствоваться не только как личности, но и как субъекту жизненного пути. Учитывая это, следует тем не менее обращать внимание на то, что процесс опосредствования осуществляется не самим по себе знаком и не ради него самого, а в целях реализации активного взаимодействия субъекта с объектом. «Введение знаков никогда

не может привести к вытеснению из общественного употребления обозначенных ими предметов. Напротив, сам знак функционирует лишь постольку, поскольку для человеческого общества сохраняется значимость тех предметов, представителем которых он является» [13, с. 16].

ПРОБЛЕМА ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ: ФУНКЦИИ, СТРУКТУРА, ЦЕЛЬ, ГЕНЕЗ

Подводя итоги проведенного нами анализа проблемы опосредствования в философии и психологии, следует определить круг наиболее острых вопросов, возникающих в связи с ее изучением.

Первый вопрос касается *функций* опосредствования. Выделяют две функции: *замещение* обозначенного предмета в деятельности человека и *указание* на обозначенный предмет. Первая функция проявляется в тех ситуациях, когда непосредственное действие с предметами либо невозможно, либо неразумно. Вторая функция состоит в том, что, оперируя знаками, человек имеет возможность переносить полученные им знания на предметы, обозначенные этими знаками. Ценность обеих функций заключается в том, что «опосредующие звенья» не теряют своей связи с предметами и переход от знака к объекту всегда остается живым и реально возможным. Неоднозначность решения этого вопроса проявляется в том, что увлечение манипуляцией знаками может привести к игнорированию самого объекта. В данном случае человек забывает о своей цели, увлекаясь процессом замещения, и попадает в искусственно созданную им самим ситуацию. Вторым вопросом касается *структуры* опосредствованных функций. В статье «Орудие и знак в развитии ребенка» Выготский часто пользуется понятием «структура», понимая под ним особое строение высших функций, которые, в отличие от «непосредственной реактивной структуры элементарных процессов», построены на основе «употребления стимулов-средств (знаков) и носят в зависимости от этого не прямой (опосредованный) характер» [5, с. 55]. Для объяснения организации элементарных и высших психических процессов Выготский использует модель стимул–реакция, которая в последнем случае включает в себя еще и стимул–средство. Комментируя этот факт, хотелось бы указать на существенное противоречие в оценке структуры высших психических функций. Оно состоит в том, что, с одной стороны, высшие психические функции прямо противопоставляются реактивному поведению и это противопоставление возникает, по мнению Выготского, вследствие разных функциональных и структурных особенностей высших и элементарных психических процессов. С другой стороны, структура непосредственного и опосредованного поведения

различается только наличием/отсутствием стимулов-средств, тогда как основные элементы – стимул и реакция сохраняют свои позиции. Думается, что одно из главных критических замечаний, высказанных Брушлинским по поводу отсутствия в модели высших психических функций места для объекта и субъекта, можно считать серьезным основанием для сомнений в том, что в такой интерпретации высшие психические функции действительно “выполняют в поведении новую и существенно иную по сравнению с элементарными функциями роль...” [там же].

Третий вопрос состоит в том, с какой целью осуществляется процесс опосредствования. По Выготскому, он состоит, во-первых, в установлении социального контакта с окружающими людьми с помощью символических знаков, т.е. в развитии средств стимуляции других людей, во-вторых, в достижении ребенком особой способности “освобождения из-под власти непосредственно действующей на него актуальной ситуации”, в умении регулировать свое поведение, т.е. в развитии средств стимуляции собственной активности. Таким образом, опосредствование используется как стратегия приспособления к ситуации через предварительный контроль над собой. Согласно Выготскому, этот контроль имеет осознанный, целевой характер, является произвольным. Генез такого контроля, или регуляции, происходит по типу интериоризации: сначала ребенок использует внешние знаки, а затем внешнее опосредствование перерастает во внутреннее путем «овнутривания» знаковых операций». Отмечая существенно важное значение механизма интериоризации как одного из механизмов развития внутреннего плана действия, Брушлинский тем не менее подчеркивает, что данный способ не может учитываться как единственный механизм развития психики человека прежде всего потому, что для реализации процесса присвоения, усвоения необходимы внутренние условия, внутренняя мотивация. Разрыв между внешним и внутренним, натуральным и высшим, непсихическим и психическим отмечался как нежелательный и в исследованиях грузинских психологов, в школе Д.Н. Узнадзе. В работе “Категория поведения в теории установки” И.В. Имедадзе пишет, что возможность существования неопредмеченной потребности (по А.Н. Леонтьеву) следует поставить под сомнение, поскольку, если потребностное состояние не знает своего предмета, оно не может найти и узнать его (см. [9]). Именно поэтому в первичных потребностях предмет заложен с самого начала. Аналогичным образом, если у ребенка отсутствуют хотя бы элементарные способы регуляции поведения, механизм интериоризации не может быть запущен.

Четвертый вопрос касается проблемы психического развития. Особенности развития, по Вы-

готскому, состоят в том, что, например, “законы, господствовавшие в психофизиологии натурального восприятия, не уничтожаются с переходом... к высшим формам, но как бы отступают на задний план, продолжая существовать внутри новых закономерностей в свернутом и подчиненном виде” [5, с. 38]. Эти же закономерности Выготский обнаруживает при исследовании внимания, восприятия, мышления, показывая, что взрослый человек оперирует опосредованным знанием, а его поведение имеет осознанный, целенаправленный и волевой характер. Подчеркивая главенствующую роль высших психических функций, Выготский не исключает натуральных функций, но на самом деле их значение настолько уменьшается, что создается впечатление о несущественном вкладе непосредственного в полноценную жизнь человека. Отсюда делается вывод о том, что чем больше в человеке представлено природное, непосредственное, тем меньше в нем личностного, т.е. сугубо человеческого. Подобная же тенденция была отмечена не только в отечественной, но и в американской психологии. У. Шелдон – один из основателей конституциональной теории темперамента, которая учитывает влияние врожденных факторов, встретился с серьезным сопротивлением социально ориентированных психологов. Как отмечают К. Холл и Г. Линдсей «побочный продукт американской демократии, протестантская этика, и догма о “делающем себя” человеке отвергает представление о том, что поведение может быть врожденно обусловленным, неизменным, “данным”... Неудивительно, что такая концепция (концепция У. Шелдона. – Н.Х.) не могла получить большой поддержки в лице американской психологии, ориентированной на влияние среды» [22, с. 448]. Современные исследования в области методологии, теории и эксперимента убедительно показывают, что способность человека становится субъектом своей деятельности и жизни состоит в том, что в нем все больше начинают интегрироваться социальные и биологические особенности, учитываться его природное начало как важнейшее человеческое достояние. Игнорирование этого факта приводит к теоретическим и практическим ошибкам, к просчетам в воспитательной и педагогической деятельности.

Четыре вопроса, поставленные нами в связи с проблемой опосредствования, не исчерпывают ее полностью. Тем не менее они дают возможность понять неоднозначность и сложность этой проблемы, постоянную потребность в обращении к ней как к важнейшей философской и психологической задаче. Эта потребность вызвана, с одной стороны, возобновлением интереса к методологии науки, с другой стороны, появлением новых теоретических и эмпирических исследований, ко-

торые возвращают нас к проблеме непосредственного и опосредствованного знания.

Конкретные теоретико-эмпирические исследования строятся нами в соответствии с формулировкой следующих трех задач, которые закономерно выводятся из перечисленных выше проблем и состоят в необходимости 1) раскрыть содержание объекта опосредствования; 2) определить назначение субъекта опосредствования; 3) обнаружить единство непосредственного и опосредствованного.

ОБЪЕКТ ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ

Вернемся к важному для нас тезису, согласно которому обсуждение проблемы опосредствования не может быть замкнуто на идее средства, знака, символа, поскольку, “теряя” объект, опосредствование закономерно теряет свой смысл. Скажем, для изучения такой проблемы, как формирование внутренних образов отца и матери, исследователь не может ограничиться анализом самого по себе механизма опосредствования, его генезом и средствами, используемыми ребенком. В конечном счете он должен исходить из особенностей *объекта* опосредствования, в нашем примере – из различий в восприятии отца и матери. В исследовании, проведенном нами на подростках 13–14 лет (109 чел.) и выборке юношей/девушек 18–19 лет (76 чел.) изучалась роль отца в дифференциации гендерной идентичности [21]. В ходе исследования был поставлен один из частных вопросов об отношении детей к родителям. Он позволил выделить разные способы формирования подростками и юношами/девушками образов отца и матери. С этой целью использовался Тематический апперцептивный тест (ТАТ). На основе результатов ТАТ удалось установить, что эмоциональное отношение девочек/девушек и мальчиков/юношей к матери существенно отличается от эмоционального отношения к отцу. У девочек наблюдаются опосредствованные (похожие на триадные) любящие отношения с матерью. Третьим альтернативным объектом выступает не отец, а, судя по рассказам ТАТ, другая женщина – бабушка, сестра, няня. Позиция матери описывается как примиряющая, поддерживающая, выжидающая, контролирующая. Отец в рассказах девочек либо отсутствует, либо так же, как и мать, выступает третьим альтернативным объектом в отношениях двух персонажей, чаще мужчины и женщины (например, мужа и жены), выполняя функции справедливого судьи.

У мальчиков отношения с матерью носят непосредственный характер и выражаются в смещении эмоциональных переживаний на мать, которая проявляет негативные чувства, вызванные нарастанием сепарационных процессов. Переживания сына практически не описываются, хотя

фиксация диадных отношений “мать–сын” может приводить к появлению у мальчика излишней чувственности, к развитию робости и застенчивости. Его отношения с отцом также непосредственны и проявляются в установлении равных, часто дружеских контактов. Отец выступает в роли советчика, наставника, проводника, партнера.

Исследование выявило интересную закономерность, состоящую в том, что, во-первых, формирование образов родителей у мальчиков и девочек осуществляется разными механизмами: у мальчиков – непосредственно, у девочек – опосредствованно; во-вторых, особенности опосредствования у девочек (в частности его функции) определяются тем, какой из двух объектов – мать или отец, выступает целью обследования. Роль матери оценивается в контексте таких сюжетных ситуаций, которые усиливают (делают более выраженной) ее материнскую роль. Безусловно, такой ситуацией является общение мамы и бабушки, которое обнаруживает и подчеркивает функцию опеки. Роль отца оценивается в контексте других ситуаций. По данным исследования, отец проявляет себя в обстоятельствах, которые усиливают его мужскую роль. Наиболее часто – это ситуации взаимоотношения дочери с молодым человеком, в которых реализуется функция защиты и механизм поддержания фемининности [21]. Вопрос о том, почему подростки разного пола стремятся к непосредственной или опосредствованной связи с отцом/матерью, требует серьезного обсуждения. По-видимому, это объясняется ролью *субъекта* связи, которая в данном случае обнаруживается в особенностях не столько половой идентичности, сколько взросления подростка. Как известно, мальчики в своем развитии на 2–3 года отстают от девочек-подростков. Именно поэтому девочки способны к более сложным связям с матерью и отцом, формируя внутренние объекты посредством установления сложных триадных отношений.

Завершая обсуждение проблемы *объекта* опосредствования, хотелось бы отметить, что даже небольшой пример из проведенного нами исследования убедительно показывает, что в зависимости от того, каков объект обследования, могут меняться средства его оценки, а в ряде случаев – возможен даже выбор между непосредственным или опосредствованным восприятием объекта.

С.Л. Рубинштейн писал [14], что объект существует в неразрывной связи с субъектом, представляя фрагмент его бытийного пространства. Исследуя объекты, человек познает окружающий мир и одновременно строит свое психологическое пространство [11]. В связи с этим следует специально остановиться на проблеме *субъекта* опосредствования.

СУБЪЕКТ ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ

Согласно А.В. Брушлинскому, субъектом выступает человек, люди “на высшем (индивидуализировано для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т.д.”, для которого окружающая действительность обнаруживается не в форме раздражителя или сигнала, “но прежде всего как объект действия и познания, а другие люди выступают для него тоже как субъекты” [3, с. 9]. Субъект, по Брушлинскому, включает в себя все качества человека, синтезируя их. Это более широкое понятие человека по сравнению с категориями индивида и личности, обобщенно раскрывающее единство всех особенностей человека: природных, социальных, общественных.

Взаимодействие субъекта с объектом – непрерывный процесс, который и является основным способом существования психического. Непрерывность психического как процесса объективно определяется непрерывностью взаимодействия человека с миром как субъекта деятельности. Именно непрерывность, недизъюнктивность соотносится с достигаемым в процессе развития качеством, тогда как дискретность, прерывность, дизъюнктивность – с количественной величиной.

В отличие от традиционной схемы стимул–знак–реакция, иная модель опосредствования должна включать в себя и объект, и субъекта, осуществляющего опосредствование. В этом случае исследователь не делает очевидной ошибки, при которой функции замещения и указания адресуются стимулу–средству, подменяющему в процессе опосредствования не только объект, но и активного субъекта. Последнему отводится ведущая роль (1) в формулировке проблемы (т.е. в выборе объекта), (2) в принятии решения о необходимости поиска объекта–заместителя, (3) в выборе объекта–заместителя в соответствии с особенностями основного объекта и собственными установками, (4) в осуществлении процесса исследования и (5) в переносе полученных знаний на основной объект. Различия в этих двух моделях состоят в том, что каждая из них задает разные основания для интерпретации волевого поведения и свободы выбора, т.е. по существу разное понимание роли субъекта в процессе опосредствования. Согласно первой модели (стимул–знак–реакция), человек подчиняет “своей власти процесс собственного реагирования... приходит к новому функциональному употреблению элементов внешней среды в качестве стимулов–знаков... извне овладевает собой, заставляя стимулы–знаки воздействовать на него и вызывать желательные для него реакции” [5, с. 83–84]. По Выготскому, опосредствование освобождает человека от прямого влияния среды, при этом, как нам кажется, ставит его в зависимость от прямого влияния сти-

мулов–знаков, которые принуждают человека вести себя желательным для них образом, существенно ограничивая свободу его действия. Согласно второй модели, свобода человека состоит в том, что он имеет и реализует право выбора на всех этапах процесса опосредствования; не знаки владеют его поведением, а он, будучи свободным в своих действиях, использует их для регуляции отношений с объектом. Воля субъекта проявляется в достижении поставленной цели доступными ему средствами, которые соответствуют его внутренней мотивации. Именно поэтому внутренняя мотивация, по Брушлинскому, выступает для субъекта одним из факторов опосредствования. Основанием развития интринсивной мотивации является способность ребенка выделять себя из окружающего мира, которая переживается как чувство автономности. Это чувство рассматривалось Брушлинским как важное состояние и качество субъекта. Продолжая линию начатых им рассуждений, мы соотнесли понятия автономности, независимости и суверенности, считая, что они как различные проявления субъектности аранжируют выбор разных способов опосредствования.

Термин “автономность” используется тогда, когда подчеркиваются особые переживания, связанные с отличием одного человека от другого. Автономность – результат сепарационных процессов, который достигается за счет формирования внутриспсихической репрезентации себя в отличие от репрезентации другого объекта (например, матери). Как первичный процесс, автономия происходит в период 5–9 месяцев первого года жизни; как вторичный процесс – на любой стадии развития в целях отделения от объекта.

На основе отделения формируется чувство независимости. Если автономность проявляется в ощущении своей отдельности, то независимость – это попытка построить свою уникальную идентичность. Кроме того, независимость рассматривается как состояние, переживаемое в ощущениях собственной значимости, силы и дееспособности. Автономность во многом лишь состояние, независимость – характерологическая черта личности и стратегия ее поведения. Понятия “автономность” и “независимость” часто используются при исследовании личности. Говоря о субъекте деятельности, корректнее пользоваться понятием “суверенность” (см. [11]). Рассматривая суверенность, мы подчеркиваем, что она связана с переживанием аутентичности своего бытия. Именно бытие (а не Я в пределах его физических границ) характеризует независимость субъекта деятельности. Суверенность динамична, изменяется в процессе жизнедеятельности и распространяется на объекты окружающего мира. Суверенность субъекта определяется шириной его психологического пространства и контролем его

границ. Более того, она выходит за пределы актуального времени, охватывая в своей идентичности прошлое, настоящее и будущее и, распространяясь за границы своей жизни, находит продолжение в продуктах своего жизнетворчества.

Особенности субъекта, обусловленные его автономностью, независимостью и суверенностью, воплощаются в выборе способов опосредствованного отношения к объекту. Переживание автономности – в выборе средств, разделяющих объект и субъект (например, таких, как изображение символического разрыва связи с объектом на рисунке, в игре), независимость – в умении найти какой-нибудь сюжет, на примере которого можно продемонстрировать собственную точку зрения, суверенность – в адекватном выборе стратегий, маркирующих психологическое пространство личности (например, в объявлении другому человеку о своем жизненном кредо). Разнообразие тактик является подтверждением того, что процесс опосредствования осуществляется не самим по себе знаком, а субъектом, внутренняя позиция которого и определяет способ замещения объекта тем или иным символическим способом, который представляет ценность только в соотношении с успешностью достижения субъектом поставленной цели.

ЕДИНСТВО НЕПОСРЕДСТВЕННОГО И ОПОСРЕДСТВОВАННОГО

В начале обсуждения проблемы опосредствования мы обратились к ее истокам и выяснили, что наиболее оптимальной стратегией изучения опосредствованного знания является его связь с непосредственным знанием. Последующий историко-философский и историко-психологический анализ проблемы, а также теоретические и эмпирические результаты показали, что цельность и продуктивность человеческой жизни состоит в разнообразии используемых жизненных стратегий, в частности в совершении не только произвольных, но и непроизвольных действий, в получении не только опосредствованного знания, но и непосредственного опыта. Вспоминая слова, сказанные Андреем Владимировичем Брушлинским по поводу того, что субъект представляет собой единство природного и социального [2–4], мы осознаем необходимость в естественном переносе этого утверждения на соотношение непосредственного и опосредствованного опыта.

Для того чтобы убедиться, что непосредственное поведение не может быть истолковано как примитивное, следует перейти к его анализу, понять *что* же стоит за этим термином. В связи с этим нам придется расширить понятийный аппарат и ввести ряд терминов, которые нередко отождествляются, но с нашей точки зрения обозначают разные аспекты психической реальности.

Довольно часто при изучении непосредственных реакций приходится обращаться к ряду синонимичных понятий: “импульсивное”, “непроизвольное”, “спонтанное”. Уточним, что у Выготского, например, кроме термина “натуральные” функции встречаются такие понятия, как “непроизвольные”, “реактивные”, “непосредственные” процессы. Проводя специальный анализ различных видов поведения [20], мы пришли к выводу, что импульсивное поведение (которое сравнивают то с непосредственным, то со спонтанным действием) следует отличать от волевого. Кроме того, импульсивное в свою очередь необходимо дифференцировать от спонтанного. С помощью критериев валентности поля, преднамеренности/непреднамеренности поведения, наличия/отсутствия контроля, предложенных К. Левиным, были получены результаты, согласно которым импульсивное поведение вызвано определенной эмоцией, связанной с наличием валентных объектов (оно непреднамеренно); произвольное поведение регулируется квазипотребностью и намеренным контролем, а спонтанное поведение осуществляется при наличии намерения и отсутствии специально организованного контроля. При обсуждении проблемы спонтанного поведения было обнаружено, что, в отличие от импульсивного действия, оно возникает под влиянием интринсивной мотивации и сопровождается так называемой ненамеренной регуляцией активности. Это – особая форма контроля, которую следует отличать от волевой и когнитивной форм контроля, связанных с принципом целевого детерминизма, с пониманием, предсказанием и предвидением будущих событий. Ненамеренная регуляция настроена на актуально совершаемый поведенческий акт. В этом смысле она похожа на аффективный контроль эмоционально насыщенной среды, но отличается от него объектом регуляции. Аффективный контроль направлен на регуляцию напряжения, вызванную действием эмоциогенных стимулов, а ненамеренная регуляция – на соответствие поведения актуализированному мотиву, на контроль внешних помех, способных снизить спонтанность до уровня импульсивности. Именно поэтому специфическая форма регуляции спонтанной активности не всегда обнаруживает себя как отдельный способ контроля.

При определенных условиях поведения ненамеренная регуляция может быть актуализирована специально, тогда контроль становится явным. Такими условиями являются: изменение уровня внутренней мотивации, ее направленности и средств достижения цели. Дополнительными причинами актуализации ненамеренной регуляции поведения выступают: изменение иерархии мотивационной системы личности и включение в нее новых мотивов. Контролирующая роль рассматриваемой формы регуляции деятельности состо-

ит в снижении внутреннего напряжения, вызванного изменением или прерыванием направленности поведения, а также в поиске дополнительных источников внутреннего напряжения, связанных с переструктурированием системы мотивов.

В ряде случаев ненамеренная регуляция спонтанной активности может трансформироваться в волевой или когнитивный контроль поведения. Изменение формы контроля происходит вследствие смены актуально-ориентированной регуляции поведения целевой, которая в свою очередь приводит к замене спонтанного поведения волевым. Изменение характера поведения способно происходить по причине снижения уровня намеренности поведения. В этом случае поведение становится ненамеренным и бесконтрольным, трансформируясь в импульсивное действие.

Анализ спонтанного поведения показал, что оно отличается не только от волевого, но и от импульсивного поведения. Более того, в зависимости от изменения интринсивной мотивации и контроля спонтанное поведение может видоизменяться и становиться волевым или импульсивным. Подробный анализ спонтанного поведения был вызван еще и тем, что, с точки зрения многих исследователей, “спонтанное” и “непосредственное” обозначают одно и то же поведение. На наш взгляд, определенная доля истины в этом есть: она заключена в том, что спонтанное – это непосредственное знание, которое прошло опыт опосредствования и стало как бы вторично непосредственным, сущностным, усматриваемым без специального доказательства. В этом смысле уместно вернуться к мысли, процитированной нами в самом начале статьи: “...непосредственное усмотрение или осознание истины понимается лишь как результат, которому предшествует опосредствование” [19, с. 57]. Однако в данном случае непосредственное следует скорее назвать спонтанным, т.е. таким поведением, знанием, которое прошло опыт опосредствования и может обнаруживаться без дополнительного обоснования.

По существу каждый из рассмотренных нами видов поведения, каждое из полученных человеком знаний вносит свой неоценимый вклад в его самобытное существование. Как это ни парадоксально звучит, но отрицание в человеке его непосредственных, природных особенностей делает его все менее человеческим. Интеграция, единство непосредственного и опосредствованного раскрывается в понимании последнего как процесса, который осуществляется по принципу “внешнее через внутреннее”, т.е. таким образом, когда средством выступают не внешние, а внутренние условия, проявляющиеся в спонтанном самоосуществлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к проблеме опосредствования – это попытка еще раз обсудить один из наиболее важных методологических принципов, существенно по-разному трактуемых в двух научных школах – в культурно-исторической теории Л.С. Выготского и субъектно-деятельностном подходе С.Л. Рубинштейна, который в течение всей своей жизни последовательно представлял и развивал А.В. Брушлинский. Одна из главных мыслей, которая раскрывается в статье, состоит в том, что стремление провести жесткую грань между натуральными и высшими психическими функциями, непосредственными и опосредствованными процессами, природным и социальным всегда приводит к неудаче. Верно и то, что увлечение лишь одной стороной опосредствования: знаками, символами, схемами, моделями, оттесняет на задний план существо проблемы опосредствования – взаимодействие субъекта с объектом. На примере собственных теоретических и эмпирических исследований убедительно продемонстрировано, что выбор того или иного приема овладения объектом определяется особенностями этого объекта и качествами субъекта, в частности такими его сторонами, как автономность, независимость и уверенность. Возможно, проведенный нами анализ оказался не полным, поскольку в определении субъекта, данном А.В. Брушлинским, наряду с критерием автономности выделяются другие два критерия – активность и целостность субъекта. Однако, несмотря на это, оба они, хотя и косвенным образом, были учтены в настоящем исследовании, прежде всего в раскрытии понятия “спонтанное поведение” и в обсуждении проблемы единства непосредственного и опосредствованного. Формально признавая такого рода единство, Л.С. Выготский предпочитал рассматривать непосредственное как теневую сторону опосредствованных функций, которая оказывает слабое влияние на поведение взрослого человека. Для А.В. Брушлинского единство природного и социального не только реально, но и естественно, поскольку именно в нем раскрывается сущность субъекта деятельности. Прочность этого единства обусловлена постоянной работой непосредственного и опосредствованного, которые только в своем сотворчестве реализуют стремление субъекта вникнуть в суть вещей, понять смысл своего существования, раскрыть подлинность, аутентичность собственного бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Основные принципы психологической теории деятельности // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под ред. А.В. Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 118–128.

2. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение М.: Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "Модэк", 1996.
3. Брушлинский А.В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 9–33.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта / Отв. ред. В.В. Знаков. М.: Изд-во "Институт психологии РАН"; СПб.: Изд-во "Алетейя", 2003.
5. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка: Собр. соч.: В 6 тт. М.: Педагогика, 1984. Т. 6.
6. Гегель Г. Работы разных лет: В 2 тт. / Сост., общая ред. А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
7. Гегель Г. Наука логики: В 3 тт. / Отв. ред. М.М. Розенталя. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
8. Давыдов В.В. Учение А.Н. Леонтьева о взаимосвязи деятельности и психического отражения // А.Н. Леонтьев и современная психология (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под ред. А.В. Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 128–140.
9. Имедадзе И.В. Категория поведения в теории установки. Тбилиси: Мецниереба, 1991.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
11. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
12. Новиков А.А. Рациональность в ее истоках и утратах // Исторические типы рациональности / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Изд-во Института философии РАН, 1995. Т. 1.
13. Полторацкий А.Ф., Швырев В.С. Знак и деятельность. М.: Политиздат, 1970.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Наука, 1957.
15. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
16. Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. Хрестоматия с комментариями по курсу "Введение в психологию". М.: Смысл, 1995.
17. Соколова Е.Е. К определению понятия "психическая деятельность": теоретический анализ дискуссий между А.Н. Леонтьевым и П.Я. Гальпериным // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1998. № 4. С. 3–13.
18. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. М.: Изд-во политической литературы, 1968.
19. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1967. Т. 4.
20. Харламенкова Н.Е. Спонтанность и контроль в зрелых личностных отношениях // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2007. С. 128–148.
21. Харламенкова Н.Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // Психол. журн. 2007. Т. 28. № 3. С. 56–64.
22. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП+, 1997.

MEDIATION PROBLEM IN THE HISTORY AND THEORY OF PSYCHOLOGY

N. E. Charlamenkova

Sc.D. (psychology), leading research assistant of Psychological Institute of RAS, Moscow

The problem of mediation – one of the fundamental problems in psychology – is discussed. Its historical-philosophical and historical-psychological analysis is given. L.S. Vygotsky's and A.V. Brushlinsky's approaches to the problem of direct and mediated processes correspondence are compared purposefully. On the basis of Brushlinsky's understanding of stated by S.L. Rubinstein determinism principle three research tasks: to reveal the substance of object and functions of mediation; to determine destination of mediation subject; to reveal the unity of direct and mediated are allotted. The results of author's theoretical and empirical studies confirming stated in Brushlinsky's works ideas are discussed.

Key words: direct, mediated, sign, object, subject, autonomy, spontaneity.